

Игорь Евгеньевич ДЕНИСОВ,
старший научный сотрудник Центра
исследований Восточной Азии и ШОС
Института международных исследований
МГИМО МИД России

Поднебесная смотрит на Запад

DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-20-40

АННОТАЦИЯ. Инициатива строительства Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) отражает стремление Китая занять политически и экономически ведущее место в современном мире. В статье рассматриваются основные мнения, высказываемые в отношении ЭПШП внутри китайского экспертного сообщества. Затем освещаются некоторые тенденции, проявившиеся в ходе практической реализации на ранних этапах проекта. При этом затрагиваются такие аспекты китайской инициативы, как её ресурсное обеспечение, торгово-инвестиционная составляющая и развитие транспортной инфраструктуры. Автор также размышляет над теми затруднениями, с которыми может столкнуться китайское правительство на последующих этапах проекта ЭПШП. К ним относятся недостаток межведомственной и межправительственной координации, угроза терроризма и политическая нестабильность в странах-участниках, возможное противодействие со стороны Соединённых Штатов и региональных дер-

жав. В конце даётся оценка той роли, которую играет ЭПШП как элемент новой внешнеполитической доктрины Китая. Очевидно, что долгосрочные стратегические соображения в китайском проекте явно доминируют над экономическими. Однако дефицит достоверной информации оставляет широкое поле для трактовки конкретных целей амбициозной китайской инициативы. Дальнейшее изучение реальных мотивов Пекина важно с точки зрения реализации российских интеграционных проектов на постсоветском пространстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Евразия, экономика, сотрудничество, инфраструктура, дипломатия, Китай, политика, транспорт, Россия, стратегия.

Инициативы по созданию Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) и Морского Шёлкового пути XXI века были впервые выдвинуты председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 года во время выступлений в Астане и Джакарте. Сегодня они

рассматриваются в Пекине как основные меры, направленные на продолжение политики реформ и открытости в новых условиях функционирования китайской экономики. В отношении этих проектов в Китае принято сокращённое обозначение «Один пояс, Один путь» (вариант на английском языке – Belt and Road Initiative), причём два проекта (сухопутный и морской) практически не разделяются.

Амбициозный проект ЭПШП, в случае его успешной реализации, непосредственным образом повлияет как на Россию, так и на граничащие с Китаем центральноазиатские государства, Монголию и Юго-Восточную Азию. Затронет он и потенциально конфликтную сферу американо-китайских отношений, поскольку обеспечит Пекину надёжный тыл в неизбежной конкуренции за контроль морских торговых путей, успех в которой мог бы стать решающим шагом Китая на пути к глобальному лидерству.

Потенциальные возможности ЭПШП делают его важным объектом всестороннего изучения не только для российского научно-экспертного сообщества, но также для правительственных кругов и крупного бизнеса. Однако экспертиза такого рода сталкивается с явным дефицитом достоверных сведений. До последнего времени из Китая поступала скупая и весьма противоречивая информация в отношении всего, что касалось краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных целей китайского руководства. Настоящая статья призвана отчасти восполнить этот пробел, для чего необходимо последовательно решить несколько задач. Во-первых, зафиксировать и обобщить основные мнения, высказываемые в Китае по вопросу ЭПШП. Во-вторых,

на основании достоверных источников осветить главные аспекты китайской инициативы, решающими из которых являются торгово-инвестиционная и транспортная составляющие. В-третьих, обозначить основные риски, с которыми столкнётся Китай в ходе реализации планов экономического освоения Евразии. И, в-четвёртых, понять, какую роль может играть проект ЭПШП в новой внешнеполитической стратегии Китая.

ЭПШП: взгляд из Китая

До официального объявления инициатив ЭПШП и Морского Шёлкового пути XXI века никакой открытой дискуссии по этому вопросу в китайской экспертной среде не было. На начальном этапе эксперты явно находились в замешательстве, они не могли чётко ответить на вопросы о целях данной инициативы, способах реализации или механизме взаимодействия с другими государствами, каждый пытался интерпретировать высказывания Си Цзиньпина со своих позиций, исходя из своего понимания поставленных задач.

Общее видение двух инициатив заключалось в том, что их основу составляет экономическое сотрудничество, при этом важной составной частью являются гуманитарные обмены, и в целом предлагаемая модель взаимодействия Китая с окружающими странами построена на основе принципов открытости и инклюзивности¹. Большая часть экспертов придерживалась мнения, что «Один пояс, Один путь» наследует традиции исторического Великого Шёлкового пути и фактически является идеей развития торгово-экономического

¹ Обзор взглядов на изучение «Одного пояса, Одного пути» (一带一路研究若干观点要览) // «Бэйцзин жибао» от 2 октября 2014 г.

сотрудничества в рамках самого протяжённого и наиболее перспективного экономического коридора [Ши Янь, 2014: 24]. Некоторые эксперты интерпретировали инициативу с точки зрения развития китайской внешнеполитической доктрины, отмечая, что «Один пояс, Один путь» является важным проявлением концепции отношений с соседними странами, которую в современной китайской дипломатии принято обозначать четырьмя иероглифами – 亲, 诚, 惠, 容 (дружелюбие, искренность, взаимовыгодность и толерантность). Эти специалисты говорили о «духе нового Шёлкового пути», который основан на мирном развитии и сотрудничестве, взаимной выгоде и общем выигрыше, открытости и инклюзивности². Инициатива «Один пояс, Один путь» рассматривалась в экспертной среде с точки зрения развития концепции внешней открытости Китая, при этом подчёркивалось, что сейчас можно говорить о новой международной ответственности Китая, который раньше использовал внешние ресурсы для собственного развития, а сейчас готов делиться результатами реформ с зарубежными партнёрами [Ши Цзэ, 2014:43].

В дискуссиях о содержательной стороне «Одного пояса, Одного пути» на начальном этапе специалисты в основном занимались интерпретацией официальных заявлений, прежде всего речей Си Цзиньпина в Казахстане и Индонезии. При этом эксперты обращали внимание на то, что «Один пояс, Один путь» является конструктивной инициативой по развитию многостороннего сотрудничества, которое должно стро-

иться на принципах открытости. Данная модель исключает создание каких-либо закрытых группировок и союзов, формирование альтернатив существующим платформам сотрудничества или конкуренцию с ними. В комментариях экспертов отмечалось, что Китай не намерен играть лидирующую роль, вмешиваться во внутренние дела других государств или создавать альтернативу другим механизмам сотрудничества [Ли Гэнсян, Ван Сичэн 2014:44]. Распространено было толкование ЭПШП с точки зрения традиционной китайской морали, основой для таких оценок служила активно пропагандируемая в официальных СМИ концепция 正确的义利观 (концепция истинной справедливости и выгоды). Реализация ЭПШП должна исходить из приоритета морали, нахождения баланса между справедливостью и выгодой, при этом Китай как инициатор проекта должен «больше отдавать и меньше получать, сначала отдавать – потом получать»³. Эксперты также отмечали, что ЭПШП имеет три главные составляющие – экономическое сотрудничество, сотрудничество в сфере безопасности и гуманитарные контакты [см.: Три важных..., 2014].

После публикации правительственного программного документа в марте 2015 года внутрикитайская экспертная дискуссия приобрела большую определённость и конкретику, при этом сам спектр обсуждавшихся проблем значительно расширился. Часть учёных продолжила начатые на предыдущем этапе дискуссии о характере и значении внешней открытости в рамках концеп-

² Тянь Цзюнь, Тянь Фэнлюнь. Стратегические планы Чунцина в отношении Экономического пояса Шёлкового пути (田军、田丰伦, 丝绸之路经济带的重庆战略构想) // «Чунцин жибао» от 12 июня 2014 г.

³ Ло Цзяньжэнь. Новая концепция дипломатии большого государства и международная ответственность Китая (罗建放, 大国外交新思维与中国的国际责任) // «Сюэсишибао» от 5 мая 2014 г.

ции ЭПШП. Они пришли к выводу, что «Один пояс, Один путь» является большой стратегией на новом этапе проведения политики внешней открытости Китая⁴. Экономический пояс Шёлкового пути является в их понимании стратегией более сбалансированного развития регионов, а также стратегией, позволяющей достичь большей сбалансированности внешних связей.

Ряд авторов делают вывод, что ЭПШП станет новой стартовой точкой развития торгово-экономического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии, особенно в сфере энергоресурсов. Реализация инициативы ЭПШП, несёт новые возможности для двустороннего энергетического сотрудничества в регионе, полагают Цзэн Цзя и Ван Цунся [см.: Цзэн Цзя, Ван Цунся, 2016:88-94].

С учетом того, что инициатива была выдвинута на самом высоком политическом уровне и ей с самого начала был придан статус приоритетной государственной политики, в оценке перспектив ЭПШП эксперты, как правило, следовали линии официальной пропаганды. Прежде всего подчеркивалось, что Китай является исходной точкой маршрута Великого Шёлкового пути и с древности до наших дней Китай поддерживал торгово-экономическое сотрудничество со странами, расположенными вдоль маршрута исторического Шёлкового пути. Отмечалось, что инициатива встречена с энтузиазмом в странах Евразии, постепенно вокруг ЭПШП складывается эффективная система консультаций и сотрудничества. Кроме того, Китай для реализации «Одного пояса, Одного пути» может эффек-

тивно использовать потенциал таких организаций, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), а также других многосторонних институтов, с которыми установлены партнёрские отношения. Помимо этого, утверждалось, что залогом успеха инициативы становится мощная поддержка в китайских регионах, в каждом из которых выработаны собственные планы участия в ЭПШП [Юань Синьтао, 2014:7]. Примерно такое понимание ЭПШП было характерным для большинства работ, опубликованных китайскими авторами в начальный период реализации инициативы.

Программа ЭПШП в действии

Выдвижение инициативы вызвало горячую реакцию не только в экспертной среде, но и среди региональных властей. Руководители различных провинций и городов с энтузиазмом выразили желание участвовать в проекте (см. карту 1). И хотя на государственном уровне концептуальный документ долго не публиковался, многие региональные правительства стали готовить подобные документы самостоятельно на местном уровне. Так, Синьцзян-Уйгурский автономный район подготовил документ, в котором отводит себе роль «ключевого района» Экономического пояса Шёлкового пути, провинция Ганьсу (Центральный Китай) провозгласила себя «золотым участком» ЭПШП, провинция Шэньси (Центральный Китай) – «стартовой точкой», а провинция Юньнань (Южный Китай) – «стратегической опорной точкой пересечения Пояса и Пути». Город центрального

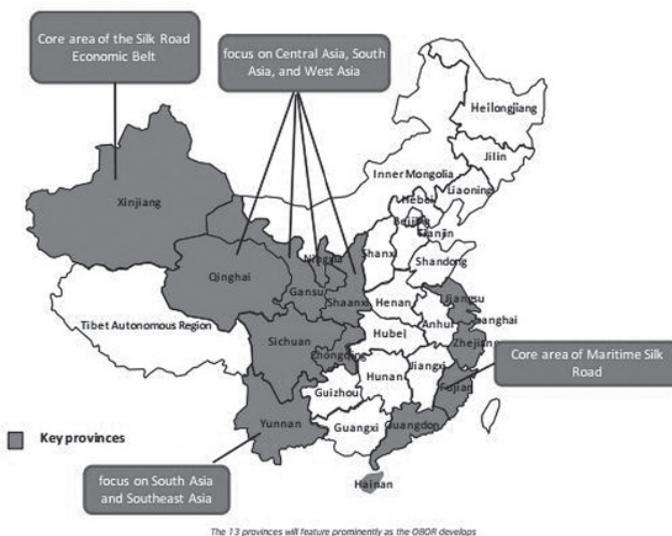
⁴ Е Сяовэнь. Большая стратегия на новом этапе внешней открытости Китая (叶小文, 中国新一轮对外开放的大战略 // «Жэньминь луньтань». 2016 г. Январь (третья декада). С. 6.

подчинения Чунцин собирался стать «новой стартовой точкой ЭПШП и узлом строительства “двух путей”» (имеется в виду ЭПШП и Экономический пояс реки Янцзы – внутрикитайский проект, направленный на развитие регионов вдоль этой водной артерии). Провинция Фуцзянь (Восточный Китай) объявила, что является «стратегическим узлом Морского Шёлкового пути». Таким образом, каждый региональный руководитель пытался отстоять важность собственного региона и его стратегические позиции в проекте, и при этом не удалось избежать острой конкуренции между ними. В некоторых городах, без должной подготовки и не рассчитав себестоимость перевозки, объявляли об открытии грузовых железнодорожных маршрутов Чунцин – Дуйсбург, Чжэнчжоу – Гамбург,

Сучжоу – Маньчжурия – Европа и др. Различные провинции и города фактически исходили из узких региональных интересов и, действуя в одиночку, пытались обогнать конкурентов, чтобы «втиснуться» в план ЭПШП, требуя от центрального руководства политических указаний, проектов и инвестиций.

Важный вывод по поводу мотивов региональных элит делает российский исследователь И.Ю. Зуенко, полагающий, что эта активность объясняется не только стремлением регионов получить бюджетное финансирование и налоговые преференции, но и политическими амбициями местных руководителей. Благодаря демонстрации лояльности при реагировании на стратегические инициативы центра местные чиновники рассчитывают на повышение в рамках ротации руководящих кадров [Зуенко И.Ю., 2016:7].

Карта 1. Ключевые провинции, задействованные в проекте «Один пояс, Один путь»

Источник: One Belt One Road: A role for UK companies in developing China’s new initiative. См.: http://www.cbcc.org/cbbc/media/cbbc_media/One-Belt-One-Road-main-body.pdf (Дата обращения: 14. 11.2016).

Некоторые региональные эксперты стали обслуживать амбиции местных властей, с энтузиазмом находя якобы подлинные свидетельства активного участия региона в историческом Великом Шёлковом пути. С помощью подобной исторической саморекламы заказчики исследований пытались обосновать особую роль их административно-территориальных образований в реализации инициативы Си Цзиньпина.

На основе дискуссий, состоявшихся в начальный период после выдвижения инициативы «Одного пояса, Одного пути», к марту 2015 года в Китае был подготовлен первый официальный документ концептуального характера, в котором системно излагались основные принципы реализации и содержание курса на строительство Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути. В подготовке документа «Перспективы и действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века» (далее в тексте – «Перспективы и действия»), изданного в формате Белой книги, участвовали три правительственных ведомства: Государственный комитет по развитию и реформе, Министерство коммерции и Министерство иностранных дел. Как отмечают китайские эксперты, публикация документа внесла определённую ясность в довольно хаотичную внутреннюю дискуссию и в то же время развеяла опасения и предубеждения, существовавшие по поводу инициативы «Одного пояса, Одного пути» в зарубежных странах. По всей видимости, этот документ предназначался в основном для зарубежной аудитории, поэтому он сразу же был переведён и издан на русском, английском, французском и испанском языках. В китайских источниках

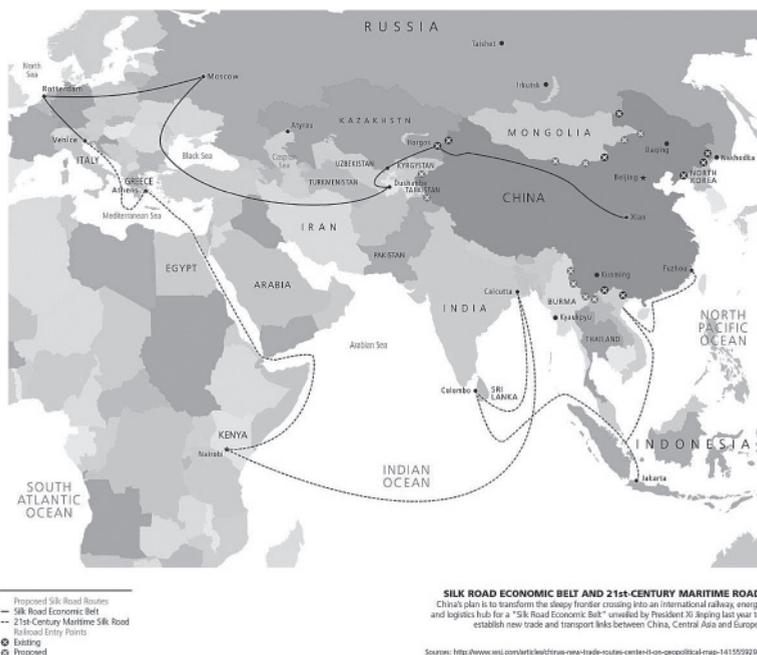
есть упоминания о том, что 2 декабря 2014 года ЦК КПК и Госсовет КНР приняли «Стратегический план строительства Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века» (《丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路建设战略规划》), но этот документ до сих пор не был открыто опубликован⁵. Поэтому в анализе содержания инициативы можно ориентироваться лишь на «Перспективы и действия».

Географические рамки проекта обозначены предельно широко и размыто, поскольку сказано, что он охватывает Азию, Европу и Африку. При этом в документе перечислены три основных маршрута Экономического пояса Шёлкового пути: 1) из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря); 2) из Китая через Центральную Азию, Западную Азию к Персидскому заливу и Средиземному морю; 3) из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану.

Само понятие маршрутов здесь является скорее некой условностью, отсылающей к «бренду» Великого Шёлкового пути, и в полном смысле эти маршруты не являются транспортно-логистическими путями, впрочем, как и сам проект не сводится только к инфраструктурной или транспортной составляющей. Аналогичным образом следует понимать и два основных направления Морского Шёлкового пути XXI века: из прибрежных портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы и из прибрежных портов Китая через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана.

⁵ Экономический пояс Шёлкового пути (《丝绸之路经济带》) // <http://silkroadeb.com/nd.jsp?id=339> (Дата обращения: 15.11.2016).

Карта 2. Маршруты проекта «Один пояс, Один путь»

Источник: China Looks West: What Is at Stake in Beijing’s “New Silk Road” Project – The World Financial Review. См.: <http://www.worldfinancialreview.com/?p=3388> (Дата обращения: 14. 11.2016).

Несмотря на то, что каждый маршрут отличает своя специфика, они объединены общим стартовым центром в лице Китая и единой программной задачей, пусть и сформулированной в очень общем виде – строительство всесторонней, многослойной, комплексной сети взаимодействия. Таким образом, инициативу ЭПШП можно рассматривать как китаецентрический проект создания сети партнёрств в Евразии, при этом используемый инструментарий формирования партнёрской сети чрезвычайно широк – от политико-дипломатической координации до финансовых механизмов, от торгово-экономических инструментов до рас-

ширения гуманитарного сотрудничества.

С точки зрения внешней открытости, стратегия «Одного пояса, Одного пути» вышла за рамки создания зон свободной торговли и развития многосторонних торговых механизмов. Её цель состоит в создании среды для комплексного развития. Кроме того, стратегия отходит от концепции узких интересов, когда основой являются интересы самого Китая, а делает акцент на общем строительстве и совместном развитии.

Усиление инфраструктурной взаимосвязанности провозглашается приоритетной задачей в официальных ки-

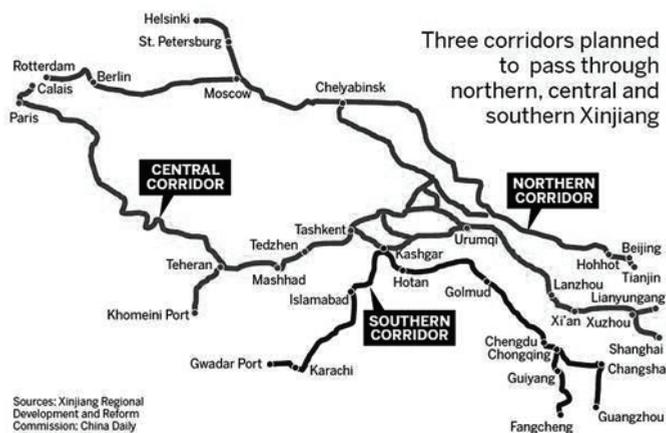
тайских документах и выступлениях китайских руководителей. В самой первой речи в Назарбаев-Университете, из которой мир узнал о новой китайской инициативе, Си Цзиньпин среди целей предлагаемой Китаем новой модели сотрудничества назвал усиление строительства единой дорожной сети. В речи в Астане китайский лидер заявил о готовности Пекина активно рассматривать совершенствование трансграничной транспортной инфраструктуры с целью постепенного создания транспортной сети, соединяющей Восточную, Западную и Южную Азию, что создало бы благоприятные условия для экономического развития этих регионов⁶.

В постановлении «О некоторых важных вопросах всестороннего углу-

бления реформ», принятом на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва 9–12 ноября 2013 года, отмечалось, что учреждение открытых финансовых структур, ускоренное создание единой инфраструктурной сети с окружающими странами и регионами, строительство Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути способствуют формированию новой архитектуры всесторонней открытости Китая⁷.

Серьезность китайских намерений подтверждает то, что на форуме «Диалог по укреплению взаимосвязанного партнёрства» в ноябре 2014 года Си Цзиньпин объявил о планах Китая внести 40 млрд долларов в Фонд Шёлкового пути. Председатель КНР подчеркнул, что Китай будет оказывать содействие странам, расположенным вдоль марш-

Карта 3. Подключение Пакистана к ЭППП

Источник: China studying new Silk Road rail link to Pakistan – China Daily. // http://www.chinadaily.com.cn/business/2014-06/28/content_17621525.htm (Дата обращения: 14. 11.2016).

⁶ Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев-Университете. Веб-сайт Посольства Китайской Народной Республики в Республике Казахстан // <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm> (Дата обращения: 15.11.2016).

⁷ Постановление ЦК КПК «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ» (中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定) // «Жэньминь жибао» от 16 ноября 2013 г.

рутов «Одного пояса, Одного пути», в строительстве объектов инфраструктуры, включая дорожно-транспортную сеть, объекты электроснабжения и телекоммуникации. Важную роль в финансировании этих проектов, по его словам, должен сыграть Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), создание которого Си Цзиньпин назвал «важным прорывом в финансовом сотрудничестве в Азии». АБИИ, являющийся международным финансовым институтом, должен аккумулировать фонды для поддержки проектов инфраструктурного строительства в странах «Одного пояса, Одного пути», а также для поддержки проектов международного экономического сотрудничества.

Торгово-инвестиционная составляющая инициативы «Одного пояса, Одного пути» исходит из необходимости создания благоприятных условий для торговли, устранения инвестиционных и торговых барьеров, создания зон свободной торговли со странами-партнёрами. При этом должны использоваться лучшие мировые практики улучшения торгово-инвестиционного климата, в частности, предполагается имплементация на пространствах «Одного пояса, Одного пути» Соглашения ВТО по упрощению процедур торговли. Предлагается снизить нетарифные барьеры, повысить прозрачность торговых мер технического характера, а также уровень либерализации тор-

Таблица 1. Инвестиционное взаимодействие ЕАЭС и КНР

Показатель	2011	2012	2013	2014	Объем накопленных ПИИ
Привлеченные прямые инвестиции					
В Россию , всего	55 083,5	50 588,0	69 219,0	22 856,6	353 444,0
в т.ч. из Китая	125,9	449,6	596,9	1 271,0	2 810,1
удельный вес в %	0,23	0,89	0,86	5,56	0,80
В Казахстан , всего	26 467,3	28 884,9	24 098,3	23 710,8	134 663,1
в т.ч. из Китая	1 693,1	2 414,6	2 246,0	1 861,3	3 569,7
удельный вес в %	6,40	8,36	9,32	7,85	2,65
Направленные прямые инвестиции					
Из России , всего	66 851,3	48 821,8	86 507,0	56 389,4	388 400,4
в т.ч. в Китай	19,6	62,8	14,3	54,3	194,8
удельный вес в %	0,03	0,13	0,02	0,10	0,05
Из Казахстана , всего	8 034,4	3 021,5	8 690,8	3 259,1	32 477,3
в т.ч. в Китай	28,2	28,9	47,3	76,4	201,9
удельный вес в %	0,35	0,96	0,54	2,35	0,62

Источник: Доклад «Экономический пояс евразийской интеграции» (составлен фондом «Росконгресс», Всероссийской академией внешней торговли и Исследовательским центром ИТИ (International Trade and Integration) под редакцией к. э. н. П. Кадочникова (ВАВТ), д. э. н. В. Саламатова (ИТИ), д. э. н. А. Спартака (ВАВТ, ВНИКИ), материал взят из публикации «ЕАЭС и Шёлковый путь: новый мировой порядок». Вести Экономика. См.: <http://www.vestifinance.ru/articles/71847> (Дата обращения: 14. 11.2016).

говли, упростить торговые процедуры. Инициатива также предусматривает меры по расширению сферы торговли за счёт увеличения торговли услугами, развития трансграничной электронной коммерции и других новых видов коммерческой деятельности.

В инвестиционной сфере приоритет отдан созданию благоприятных условий для инвестиций, устранению административных барьеров, активизации переговоров по вопросам двусторонних соглашений о защите инвестиций и недопущения двойного налогообложения. Что касается отраслевой структуры инвестиционного сотрудничества, то здесь особое внимание Китай как инициатор проекта «Одного пояса, Одного пути» обращает на новые индустриальные отрасли – информационные технологии, биотехнологии, новые источники энергии и материалы.

Идея взаимосвязанности и интенсификации торгово-экономического сотрудничества реализуется в концепции экономических коридоров, под которыми понимаются крупные международные маршруты с опорными точками в ключевых городах и площадками для сотрудничества в важных торгово-экономико-производственных зонах. В настоящее время в Китае говорят о развитии шести таких коридоров: Китай – Монголия – Россия; Новый евроазиатский сухопутный мост (Синьцзян-Уйгурский автономный округ (СУАР) КНР – Казахстан – Россия – Белоруссия – Западная Европа); Китай – Центральная Азия – Западная Азия (СУАР КНР – Казахстан (или Киргизия, Узбекистан) – Туркменистан – Иран – Турция – Средиземное море (либо через Иран к побережью Персидского залива); Китай – Индо-

китайский полуостров; Китай – Пакистан; Китай – Мьянма – Бангладеш – Индия⁸.

Ведущая роль государства в макроэкономическом регулировании при реализации инициативы «Одного пояса, Одного пути» не отменяет того, что экономическая составляющая проекта в полной мере использует рыночные механизмы. Как подчёркивал Си Цзиньпин в ходе Восьмого заседания Центральной руководящей рабочей группы по финансово-экономическим вопросам, следует правильно регулировать отношения между правительством и рынком, использовать потенциал рыночных механизмов, привлекать к реализации программ все виды предприятий, как государственного, так и частного сектора, при этом государство также должно играть свою роль.

По мере развития инициативы, которая постепенно включает в свою орбиту всё большее число государств и охватывает все новые и новые сферы сотрудничества, создание институциональных механизмов и более тонкая настройка взаимодействия со странами, расположенными вдоль маршрутов «Одного пояса, Одного пути», становится настоящей потребностью. Одной из задач, актуальность которой в полной мере осознаётся властями КНР, становится забота о социальной ответственности государственного и частного бизнеса при реализации экономических проектов в других странах.

В ходе дискуссии по этому вопросу в китайском экспертном сообществе

⁸ Чжан Гаоли присутствовал на церемонии открытия Индустриального диалога по взаимосвязанности в Евразии (张高丽出席亚欧互联互通产业对话会开幕式) // «Жэньминь жибао» от 28 мая 2015 г.

достигнут консенсус, который заключается в том, что следование рыночным принципам при реализации «Одного пояса, Одного пути» не должно приводить к тому, чтобы китайские предприятия заботились исключительно о максимальной прибыли. Необходимо, чтобы любой проект приносил пользу стране-партнёру, способствовал повышению уровня жизни населения этой страны.

В правительственных кругах и в экспертном сообществе КНР есть понимание того, что создание экономических коридоров является масштабным и долгосрочным проектом, поэтому никаких сроков или индикативных показателей будущей эффективности их функционирования в китайских официальных документах не приводится. О том, что в целом строительство «Одного пояса, Одного пути» является долгосрочным проектом, требующим тщательной координации и учёта разнообразных экономических и политических факторов, упоминал в своих выступлениях Си Цзиньпин⁹.

Выступая на форуме «Диалог по укреплению взаимосвязанного партнёрства», председатель КНР подчеркнул, что «Один пояс, Один путь» и концепция взаимосвязанности взаимно дополняют и взаимно усиливают друг друга. Си Цзиньпин сравнил Экономический пояс Шёлкового пути и Морской Шёлковый путь XXI века с двумя крыльями стремительно взлетающей Азии, тогда как взаимосвязан-

ность можно уподобить артериям и венам «Одного пояса, Одного пути»¹⁰.

Факторы риска

Несмотря на преимущественно оптимистические оценки, некоторые эксперты уже на начальном этапе подчёркивали, что ЭПШП может столкнуться с многочисленными вызовами и проблемами [см.: Тан Яньлинь, Гун Ян и др., 2015]. В числе первоочередных проблем назывались недостаточный уровень взаимного доверия между государствами, расположенными по маршруту ЭПШП, возможность «цветных революций» в ряде стран региона, угроза терроризма и экстремизма, конфликты по использованию водных ресурсов между отдельными странами. Эксперты отмечали, что целый комплекс угроз в сферах традиционной и нетрадиционной безопасности может выступать сдерживающим фактором реализации проекта ЭПШП [Вань Чжэ, 2014:35-36]. Американские планы «Нового шёлкового пути» и Транстихоокеанского партнёрства, процесс евразийской интеграции, инициированный Россией, вмешательство США и Японии в ситуацию в Южно-Китайском море с целью сдерживания Китая, а также беспорядочная и недобросовестная конкуренция между провинциями за то, чтобы «разыграть карту ЭПШП», – таковы, по мнению некоторых экспертов, главные вызовы, с которыми может столкнуться Китай при строительстве Экономического пояса Шёлкового пути [Юань Синьтао, 2014:7-8].

⁹ Си Цзиньпин руководил работой Восьмого заседания Центральной руководящей рабочей группы по финансово-экономическим вопросам, подчеркнув необходимость ускорить строительство Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века (习近平主持召开中央财经领导小组第八次会议强调加快推进丝绸之路经济带和二十一世纪海上丝绸之路建设) // «Жэньминь жибао» от 7 ноября 2014 г.

¹⁰ Си Цзиньпин руководил работой форума Диалог по укреплению взаимосвязанного партнёрства и выступил с важной речью (习近平主持加强互联互通伙伴关系对话会并发表重要讲话) // «Жэньминь жибао» от 9 ноября 2014 г.

Хотя политическая координация занимает в списке первое место и названа «важной гарантией» строительства «Одного пояса, Одного пути», это направление оказалось наименее проработанным и наполненным конкретикой. В самом общем плане отмечена необходимость усиления межправительственного сотрудничества и создания механизмов координации макроэкономической политики. Учитывая сложность работы на данном направлении, китайская сторона, скорее всего, не будет форсировать создание таких механизмов, однако может выступить с этим предложением на продвинутых этапах реализации инициативы. Пока, как отмечает проф. С.Г. Лузянин, «речь не идёт о создании некой евразийской зоны свободной торговли, а скорее о развитии экономик и транспортных / инфраструктурных проектов при помощи КНР в Евразии» [Лузянин С.Г., 2016:1].

Некоторые учёные обращают внимание на то, что экологическая обстановка в Центральной Азии весьма неблагоприятна, что может повлиять как на китайские планы, так и на отношение к китайской активности в регионе. Развитие энергетической отрасли несёт риски загрязнения окружающей среды, региональное энергетическое сотрудничество связано с высокими рисками для природы – способствует дальнейшему ухудшению экологической обстановки и расширению площади загрязнения почвы. Это, предупреждают эксперты, может повлиять на практику реализации стратегических планов ЭПШП, а также на устойчивость регионального социально-экономического развития. Коренная причина, порождающая экологические риски в сфере энергетического сотрудничества, заключается в конфликте экономических

интересов и интересов сохранения природы, отмечают Ши Ин и Хэ Айпин [см.: Ши Ин, Хэ Айпин, 2015: 115-123].

Китайские эксперты в своих работах подробно анализируют влияние террористической угрозы и другие вызовы в сфере безопасности. Они отмечают, что в ряде государств, расположенных вдоль маршрутов «Одного пояса, Одного пути», складывается крайне нестабильная политическая обстановка из-за действия экстремистских и террористических сил. Реализация «Одного пояса, Одного пути» сопровождается тем, что в проблемных регионах Центральной Азии, Западной Азии и Африки увеличивается количество работников китайских государственных и частных предприятий, инженеров и технических работников, а также китайских туристов, однако из-за активизации деятельности террористических организаций в этих районах жизнь и безопасность китайских граждан находятся под угрозой. Исследование Ли Линя было посвящено мусульманскому фактору в строительстве «Одного пояса, Одного пути». Учёный полагает, что при реализации инициативы невозможно обойти вниманием проблемы ислама и стратегические соображения государственной безопасности¹¹. В исследованиях китайских учёных отмечается, что «силы трёх зол» (терроризм, сепаратизм и экстремизм) и трансграничная преступность, в основном – морское пиратство и контрабанда наркотиков, в настоящее время являются основными трансграничными вызовами в сфере безопасности, с которыми сталкиваются

¹¹ Ли Линь. Исламский фактор при реализации инициативы «Один пояс, Один путь» и новая стратегия государственной безопасности (李林“一带一路”的伊斯兰因素与新型国家安全战略。) // «Чжунго Мусульинь». 2015 № 6. С. 22-23.

ся государства, расположенные вдоль маршрутов нового Шёлкового пути.

По мнению китайских экспертов, в региональной повестке безопасности заметную роль играет фактор больших стран. При этом первостепенное значение имеет американский и российский фактор. В китайских работах отмечается, что США являются государством-гегемоном и в регионе у них имеются широкие интересы, Россия же традиционно является сильным государством в регионе и по-прежнему сохраняет определённое влияние на вопросы безопасности.

По оценкам китайских авторов, в настоящее время Китай, США и Россия могут в полной мере воспользоваться двусторонними и многосторонними механизмами сотрудничества и, используя гибкие и многообразные формы взаимодействия, развивать сотрудничество на разных уровнях, укреплять политическое доверие, искать точки соприкосновения интересов. В отличие от отношений США и России, в отношениях Китая и России сближение происходит легче, поскольку обе страны решают задачи национального возрождения. Поэтому, по мнению китайских экспертов, в отношениях с Москвой для Пекина важно проводить стыковку своих интересов с интересами ЕАЭС и таким образом вместе обеспечивать безопасность ЭППП.

Что касается китайско-американской связки, то она рассматривается китайскими политологами со следующих позиций. В настоящее время между Китаем и США существует системная «дилемма безопасности», развитие Китая рассматривается в Америке как игра с нулевой суммой, тогда как российско-китайское взаимодействие интерпретируется как «вытеснение

США». Между тем за территориальными спорами в регионе и политической нестабильностью в отдельных государствах кроется сильный американский фактор. Китайско-американское сотрудничество в сфере безопасности, по мнению китайских экспертов, следует начинать с взаимодействия в борьбе с терроризмом, пиратством, транснациональной организованной преступностью и другими вызовами в сфере нетрадиционной безопасности. Используя различные механизмы диалога, Китай и США должны постепенно способствовать росту доверия, что позволит лучше реагировать на вызовы и угрозы, уверены многие китайские авторы. Сценарии сотрудничества Китая и США в Евразии не исключают и российские исследователи [Сафранчук И.А., 2015:97-107].

В концептуальном документе «Перспективы и действия» отсутствуют не только меры, которые государства-участники должны принимать в сфере безопасности, но даже нет развёрнутой характеристики вызовов и угроз, с которыми потенциально могут столкнуться Китай и его партнёры при реализации инициативы «Одного пояса, Одного пути». Ограничиваясь краткими и расплывчатыми формулировками, китайская сторона с самого начала стремилась избежать столкновения мнений по деликатному вопросу безопасности, а то и обвинений, что проект отражает стремление КНР закрепиться не только в экономическом, но и в военно-политическом плане в регионах, которые относятся к сфере китайских интересов. Поскольку вопросы безопасности тесно связаны с оборонной политикой, а следовательно, с суверенитетом государств-участников, Китай, возмож-

но, специально вывел данную тематику из общих рамок сотрудничества, передав её на двусторонний и непубличный уровень. Кроме того, вопросы безопасности как никакие другие требуют для их обсуждения высокого уровня политического доверия, а учитывая широкий состав участников, Китай, по всей видимости, предпочёл не формулировать каких-то единых подходов в этой сфере. Однако на экспертном уровне есть понимание того, что по мере развития инициативы придется решать вопросы защиты построенных и строящихся объектов, их экстерриториальности или анклавности. [Сафронова Е.И., 2016:102].

ЭПШП и новая внешнеполитическая доктрина Китая

Как отмечают китайские эксперты по международным отношениям, Китай является развивающейся страной и в то же время глобальной державой, китайская дипломатия распространяет свое влияние не только на регион, но и в полной мере является глобальной дипломатией. Это особенно чётко видно в условиях нынешней смены китайской внешнеполитической парадигмы – постепенного отказа от концепции Дэн Сяопина «таогуан янхуэй» (скрывать свои возможности и держаться в тени) и перехода к более активной внешней политике.

Выступая 17 августа 2016 года в Пекине на рабочем совещании по строительству «Одного пояса, Одного пути», Си Цзиньпин заявил, что темпы реализации инициативы и достигнутые результаты превзошли ожидания. Причину выдвижения инициативы Си Цзиньпин объяснил потребностями внутреннего развития Китая, подчеркнув, что внешняя открытость является

важным импульсом для социально-экономического развития страны. Как он подчеркнул в своем выступлении, для продолжения устойчивого и здорового развития национальной экономики Китай должен выработать глобальный взгляд, более активно и инициативно выходить во внешний мир. Таким образом, глава государства связал инициативу «Одного пояса, Одного пути» с новым этапом внешней открытости Китая, который уже фактически является второй экономической державой мира.

Инициатива «Одного пояса, Одного пути», как отмечают китайские ученые, является инновационным развитием китайской дипломатической доктрины [Хуан Жихань, Цун Пэйин, 2014: 26-27]. Опираясь на существующие механизмы двусторонних отношений Китая с зарубежными странами и на региональные платформы сотрудничества, «Один пояс, Один путь» наполняет китайскую дипломатию новым содержанием и придает ей новый импульс. Появлению на свет этой инициативы предшествовал анализ глобальной международной обстановки и объективных потребностей будущего развития Китая. Инициатива интегрировала в себя две важные дипломатические концепции – концепцию отношений с соседними государствами на основе принципов дружелюбия, искренности, взаимовыгодности и толерантности и ценностную концепцию «сообщества общей судьбы». Учитывая дальнейший рост влияния Китая в мире, в ближайшей перспективе «Один пояс, Один путь» останется одним из магистральных направлений китайской дипломатической стратегии.

Выступая в июле 2015 года на саммите БРИКС в Уфе, Си Цзиньпин

выдвинул четыре основные задачи, касающиеся строительства партнёрских отношений: создать партнёрские отношения для поддержания мира во всем мире; создать партнёрские отношения, способствующие совместному развитию; создать партнёрские отношения, способствующие развитию многообразной цивилизации; создать партнёрские отношения по усовершенствованию глобального экономического управления¹². Эта четырехкомпонентная формула партнёрских отношений полностью применима и к целям китайской дипломатии в рамках инициативы «Одного пояса, Одного пути».

Хотя политико-дипломатическая концепция, лежащая в основе «Одного пояса, Одного пути», сформулирована в самом общем виде, ей не откажешь в последовательности и, главное, в привлекательности для большинства партнёров Китая, особенно для развивающихся стран, поскольку Пекин делает акцент на совместное развитие и равные шансы для всех. По сути, с выдвиганием инициативы «Одного пояса, Одного пути» в отношениях Китая с зарубежными странами появилась универсальная платформа взаимодействия, которая позволяет им воспользоваться позитивными результатами китайского экономического развития.

Практика реализации инициативы «Одного пояса, Одного пути» сформировала развитый и гибкий механизм политического согласования, который охватывает разные уровни, использует разнообразные каналы и формы коммуникации. Политическое значение инициативы «Одного пояса, Одного пути»

¹² Си Цзиньпин участвовал во встрече лидеров стран БРИКС и выступил с важной речью (习近平出席金砖国家领导人会晤并发表重要讲话) // «Жэньминь жибао» от 10 июля 2015 г.

состоит в том, что, с одной стороны, её реализация является важнейшим условием для дальнейшего расширения открытости Китая и устойчивого развития экономики страны, с другой стороны, даёт возможность Китаю проводить активную внешнюю политику, поддерживать имидж ответственной державы, средствами экономической дипломатии формировать глобальную сеть партнёрств.

Присутствие в названиях двух китайских инициатив словосочетания «Шёлковый путь» призвано напомнить о цивилизационном значении исторического Великого Шёлкового пути, который был символом обменов и сотрудничества Востока и Запада, способствовал общению и взаимопониманию разных культур, подъёму торговли и ремёсел. Бренд «Шёлкового пути» важен прежде всего своими ценностными, а не рациональными характеристиками, на что обращается внимание в китайском концептуальном документе «Перспективы и действия». Там отмечается, что основные ценности Великого Шёлкового пути – это мир и сотрудничество, открытость и толерантность, взаимное заимствование и обмен опытом, взаимная выгода и общий выигрыш. «Этот путь способствовал прогрессу человеческой цивилизации в целом, развитию и процветанию близлежащих к нему стран в частности»¹³.

Некоторые китайские учёные резко критикуют работы западных исследователей, которые рассматривают «Один пояс, Один путь» как китайскую версию Плана Маршалла. По мнению китайских экспертов, такой подход является ненаучным, кроме того, искажение фактов в работах западных экспертов

¹³ См.: «Жэньминь жибао» от 10 июля 2015 г.

негативно влияет на понимание сути инициативы Си Цзиньпина и на эффективность её реализации. Китайские учёные утверждают, что, реализуя План Маршалла, США закладывали фундамент для своей глобальной гегемонии: США оказывали помощь западноевропейским государствам, занимаясь экспортом производственных мощностей, причём страны-получатели помощи оказывались в пассивном и зависимом положении и не могли самостоятельно определять экономическую политику. Это коренным образом отличается от китайской инициативы «Одного пояса, Одного пути», реализация которой основана на принципах совместного строительства, совместного использования и совместного выигрыша, а целью строительства является «сообщество интересов», «сообщество общей судьбы», «сообщество ответственности», при этом инициатива имеет инклюзивный и открытый характер [см.: Чэн Цзыхао, 2016: 261-262; Цзинь Лин, 2015: 88-99]. Между тем, как отмечает А.В.Лукин, существует противоречие между стремлением Китая к активному сотрудничеству с соседями и более жёсткой позицией Пекина по территориальным спорам с некоторыми из них [Лукин А.В., 2014:97]. Это также может повлиять на восприятие китайской инициативы в регионе.

Некоторые западные специалисты по международным отношениям говорят, что современный мир попал в «ловушку Фукидида» и что противостояние между усиливающим своё влияние Китаем и теряющими свою мощь США неизбежно закончится войной, как это случилось в античной Греции, когда Спарта начала войну против усилившихся Афин. Китайская дипломатия традиционно подчёркивает,

что Китай не стремится к гегемонии¹⁴. Выдвижение инициативы «Один пояс, Один путь» является продолжением дискуссии о том, что несёт миру поднимающийся Китай. Предложенный Си Цзиньпином ответ выглядит более развёрнуто и убедительно, чем в своё время выглядела концепция мирного развития Китая. По своему ценностному наполнению инициатива «Одного пояса, Одного пути» является не только ответом на ловушку Фукидида, но своего рода заочной полемикой с выводом С. Хантингтона о конфликтах на цивилизационной основе. Китайская логика, лежащая в основе инициативы «Одного пояса, Одного пути», исходит из следующего: многообразие цивилизаций способствует обменам, обмены ведут к интеграции, интеграция открывает возможности для развития и прогресса.

Предыдущие концепции, обозначившие новую роль Китая в мире, брали за основу указание траектории движения самого субъекта – «мирный подъём Китая» и «мирное развитие Китая». Если рассматривать «Один пояс, Один путь» как дальнейшую эволюцию предыдущих стратегий, то наиболее яркая новация состоит в том, что теперь в центре внимания находится не развитие самого Китая, а его вклад в общее развитие. Даже в названии «Одного пояса, Одного пути» нет слова Китай, а само содержание инициативы сконцентрировано вокруг понятия общности – совместное создание Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века,

¹⁴ Allison G. The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War? // The Atlantic. September 24, 2015 // <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756/> (Дата обращения: 14.11.2016)

совместное процветание, совместное развитие, общий выигрыш. «Один пояс, Один путь» предполагается строить на принципах инклюзивности разных цивилизаций, уважения выбора пути и модели развития каждого государства, активизации межцивилизационного диалога, стремления к общности при сохранении различий. Гуманитарная составляющая инициативы «Одного пояса, Одного пути» нередко находится в тени, но это происходит не потому, что сам Китай в планировании отводит ей маргинальную роль. Причина скорее кроется в привычном восприятии китайского роста как явления исключительно экономического, а не культурного или цивилизационного. Китай активно ломает этот стереотип, развивая различные программы в сфере «мягкой силы» и корректируя свой имидж «локомотива экономического развития», выступает с различными гуманитарными инициативами. При этом китайские специалисты ведут постоянный мониторинг состояния образа Китая за рубежом [Ларин А.Г., 2016:52-53].

***

Подводя итоги, можно заключить, что комплексная стратегия реализации инициативы ЭКШП в Китае пока не сложилась. За различные планы и проекты отвечают разные ведомства и регионы, каждый пытается включить в инициативу уже имевшиеся планы с целью повышения их важности и увеличения финансирования. Значительное число китайских экспертов признаёт геополитическое значение создания ЭШШП. В этом смысле проект призван укрепить региональную безопасность и стабильность, а также отвечать интересам Китая по углублению торгово-

экономических связей с соседями. Во всём, что касается проблем безопасности, китайские эксперты оценивают положение крайне сдержанно. На официальном государственном уровне эта группа вопросов, как правило, деликатно замалчивается и не выдвигается на первый план. С внешнеполитической точки зрения Китай рассматривает инициативу как комплексный план по продвижению своих интересов в мире в целом, и прежде всего в пограничных регионах. Приоритетное положение получают программы совместного социально-экономического и культурного развития стран региона. При этом свои государственные интересы на официальном уровне Китай рассматривает как совпадающие с интересами партнёров.

Китай более не желает оставаться в тени и скрывать свои возможности. ЭШШП воплощает новый стиль китайской внешней политики. Проект опирается на существующие механизмы двусторонних отношений Китая с зарубежными странами и на региональные платформы сотрудничества. Он наполняет китайскую дипломатию новым содержанием и придаёт ей дополнительный импульс. При этом единая программная задача формулируется лишь в самом общем виде и предполагает строительство всесторонней, многослойной, комплексной сети взаимодействия.

Уже на самых ранних этапах реализации инициативы ЭШШП во многом стало очевидно, что экономические соображения выступают отнюдь не решающими императивами новой китайской политики. На обширном евразийском пространстве Китай последовательно создаёт пояс тесно связанных с ним дружественных государств. Успех

этой стратегии невозможен без благожелательного отношения со стороны России. Несмотря на хорошо объяснимые опасения, Москва дала согласие на сопряжение инициативы ЭПШП с собственными интеграционными проектами на постсоветском пространстве. Способность двух крупнейших евразийских держав к конструктивному взаимодействию будет оказывать решающее влияние на будущее всего региона.

Библиография

1. Зуенко И.Ю. Реализация политики центра в китайских регионах: некоторые аспекты проблемы (в контексте строительства нового Шёлкового пути) // Известия Восточного института. 2016. № 2 (30).

2. Ларин А.Г. «Экономический пояс Шёлкового пути»: экономическое содержание, структура, идеология Китая // Новый Шёлковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. М.: ДеЛи плюс, 2016.

3. Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект Шёлкового Пути и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии 2 Часть I (Работа выполнена при поддержке РФФИ /РГНФ, проект № 16 - 07 - 00024) Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук (Москва) М., 2016.

4. Лукин А.В. Идея «экономического пояса Шёлкового пути» и евразийская интеграция // Международная жизнь, №7, 2014.

5. Сафранчук И.А. Эволюция по-

зиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // Международная жизнь. 2015. № 8.

6. Сафронова Е.И. Стратегия «Один пояс, Один путь» как носитель «мягкой силы» Китая // Новый Шёлковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. М.: ДеЛи плюс, 2016

7. Вань Чжэ. Размышления других государств и наши действия (万喆, 各国之思与我国之行) // «Хуанью цайцин». 2014. №7

8. Ли Гэнсян, Ван Сичэн. Новая стратегия «Экономического пояса Шёлкового пути» и активное участие провинции Хэнань (李庚香、王喜成, 新“丝绸之路经济带”的战略特点与河南的积极融入) // «Цююй цзинци пинлунь». 2014. №6.

9. Тан Яньлинь, Гун Ян и др. Обзор исследований рисков, вызовов и мер по управлению рисками при реализации инициативы «Одного пояса, Одного пути» (唐彦林、贡杨等, 实施“一带一路”倡议面临的风险挑战及其治理研究综述) // «Дандай шицзе юй шэхуэйчжуй». 2015. № 6.

10. Три важных содержания: Придать новый импульс развитию Китая и мира (三重内涵: 注入中国和世界发展新动力) // «Цайцин гуаньдянь». 2014. № 10.

11. Хуан Жихань, Цун Пэйин. «Один пояс, Один путь» открывают дорогу к новому мышлению китайской дипломатии (黄日涵 丛培影 “一带一路” 开拓中国外交新思路) // «Шиши баогао». 2014. № 11.

12. Цзинь Лин. «Один пояс, Один путь»: Китайский план Маршалла? (金玲, “一带一路”: 中国的马歇尔计划?) // «Гоцзи вэньти яньцзю». 2015. № 1.

13. Цзэн Цзя, Ван Цунся. Анализ юридических проблем энергетического сотрудничества в рамках «Одного пояса, Одного пути» (曾加、王聪霞, “一带一路”能源合作法律问题探析) // «Чжунгун» Циндао шивэй дансяо, Циндао синчжэн сюэюань бао. 2016. № 3.

14. Чэн Цзыхао. Доброжелательность, искренность, взаимовыгодность, инклюзивность, общее развитие. Анализ различий инициативы «Одного пояса, Одного пути» и Плана Маршалла (程子豪, 亲诚惠容, 共同发展: “一带一路”倡议与马歇尔计划的差异性分析) // «Чжунвай ци'ецзя». 2016. № 15.

15. Ши Ин, Хэ Айпин. Энергетическое сотрудничество в рамках Экономического пояса Шёлкового пути и меры реагирования на экологические риски (石莹、何爱平, 丝绸之路经济带的能源合作与环境风险应对。) // «Гайгэ». 2015. № 2.

16. Ши Цзэ. Один пояс, Один путь: инновации концепции и практики (石泽, “一带一路”与理念和实践创新) // «Чжунго тоуцзы». 2014. № 10.

17. Ши Янь. Строить «Один пояс, Один путь», создавать процветающее сообщество общей судьбы» (石焰, 建设“一带一路”, 打造繁荣的“命运共同体») // «Лаонянь цзяоюй». 2014. № 9.

18. Юань Синьтао. Анализ государственной стратегии «Одного пояса, Одного пути» (袁新涛, “一带一路”建设的国家战略分析) // «Лилунь юэкань». 2014. № 11.

References:

1. Larin A.G. «*Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti*»: ekonomicheskoe sodержanie, struktura, ideologiya Kitaya // *Novyi Shelkovyi put' i ego znachenie*

dlya Rossii / pod red. V.E. Petrovskogo (otv. red.), A.G.Larina (sost.), E.I. Safronovoi. Moscow: DeLi plyus, 2016.

2. Lukin A.V. Ideya «*ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti*» i evraziiskaya integratsiya // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, № 7, 2014.

3. Luzyanin S.G. Pogloshchenie, sopryazhenie ili konflikt? ShOS, kitaiskii proekt “*Shelkovogo Puti*” i EAES: varianty vzaimodeistviya v Evrazii 2 Chast' I (Rabota vypolnena pri podderzhke RFFI /RGNF, proekt No 16 - 07 - 00024) Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie nauki Institut Dal'nego Vostoka Rossiiskoi akademii nauk (Moskva) Moscow: 2016.

4. Safranchuk I.A. Evolyutsiya pozitsii SShA v otnoshenii roli Kitaya v Tsentral'noi Azii // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2015. № 8.

5. Safronova E.I. Strategiya «*Odin poyas, odin put'*» kak nositel' «*myagkoi sily*» Kitaya // *Novyi Shelkovyi put' i ego znachenie dlya Rossii / pod red. V.E. Petrovskogo (otv. red.), A.G.Larina (sost.), E.I. Safronovoi. Moscow: DeLi plyus, 2016.*

6. Zuenko I.Yu. Realizatsiya politiki tsentra v kitaiskikh regionakh: nekotorye aspekty problemy (v kontekste stroitel'stva novogo Shelkovogo puti) // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2016. № 2 (30).

7. Cheng Zihao. Qin cheng hui rong , gongtong fazhan: «*Yi dai yi lu*» changyi yu maxieer jihua de chayixing fenxi (程子豪, 亲诚惠容, 共同发展: “一带一路”倡议与马歇尔计划的差异性分析) // «*Zhongwai qiyejia*». 2016. № 15.

8. Huang Rihan, Cong Peiying. «*Yi dai yi lu*» kaituo zhongguo waijiao xin silu (黄日涵 丛培影 “一带一路”开拓中国外交新思路) // «*Shishi baogao*». 2014. № 11.

9. Jin Ling. «*Yi dai yi lu*»: zhongguo

de maxieer jihua ? (金玲, “一带一路” : 中国的马歇尔计划?) // «Guoji wenti yanjiu». 2015. № 1.

10. Li Gengxiang, Wang Xicheng. Xin «sichou zhi lu jingji dai» de zhan lue tedian yu henan de jiji rongru (李庚香、王喜成, 新“丝绸之路经济带”的战略特点与河南的积极融入) // «Quyu jingji pinglun». 2014. № 6.

11. San zhong neihan : zhu ru zhongguo he shijie fazhan xin dongli (三重内涵: 注入中国和世界发展新动力) // «Caijing guandian». 2014. № 10.

12. Shi Jie. «Yi dai yi lu» yu linian he shijian chuangxin (石泽, “一带一路”与理念和实践创新) // «Zhongguo touzi». 2014. № 10.

13. Shi Yan. Jianshe «Yi dai yi lu» dazao fanrong de «mingyun gongtongti» (石焰, 建设“一带一路”, 打造繁荣的“命运共同体”) // «Laonian jiaoyu». 2014. № 9.

14. Shi Ying, He Aiping. Sichou zhi lu jingji dai de nengyuan hezuo yu huanjing

fengxian yingdui (石莹、何爱平, 丝绸之路经济带的能源合作与环境风险应对。) // «Gaige». 2015. № 2.

15. Tang Yanlin, Gong Yang et al. Shishi «yi dai yi lu» changyi mianlin de fengxian tiaozhan ji qi zhili yanjiu zongshu (唐彦林、贡杨等, 实施“一带一路”倡议面临的风险挑战及其治理研究综述) // «Dangdai shijie yu shehuizhuyi». 2015. № 6.

16. Wang Zhe. Ge guo zhi si yu woguo zhi xing (万喆, 各国之思与我国之行) // «Huanqiu caijing». 2014. № 7

17. Yuan Xintao. «Yi dai yi lu» jianshe de guojia zhanlue fenxi (袁新涛, “一带一路”建设的国家战略分析) // «Lilun yuekan». 2014. № 11.

18. Zeng Jia, Wang Congxia. «Yi dai yi lu» nengyuan hezuo falü wenti tanxi (曾加、王聪霞, “一带一路”能源合作法律问题探析) // Zhonggong Qingdao shiwei dangxio, Qingdao xingzheng xueyuan bao. 2016. № 3.

Igor E. DENISOV,

Senior Research Fellow, Center for East Asian
and Shanghai Cooperation Organization Studies,
Institute for International Studies,
MGIMO-University MFA Russia

The Celestial Empire looks to the West

DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-20-40

ABSTRACT. *The Silk Road Economic Belt (SREB) initiative demonstrates the Chinese desire to become a political and economic leader of the modern world. In this article the author analyses popular views and opinions made by Chinese experts about the “Economic Belt”. He also describes the key trends occurred on the early stages of the initiative’s implementation. The work touches on such aspects as resource allocation, trade and investment policy, development of transport infrastructure. However, SREB initiative is likely to face some significant problems on the next stages such as intergovernmental and interagency communications, potential countermeasures from the side of the USA or regional powers, terrorism*

or high level of political uncertainty in some of the involved states. The author concludes by giving his view on the potential role of the Silk Road Economic Belt as a new element of the Chinese concept of foreign policy. Obviously, strategic objectives overweight the economic ones. However, the lack of concrete information makes it difficult to interpret the purposes of the project accurately. Beijing’s real rationale remains an issue for further research to provide valuable insight for Russia-led integration projects in the post-Soviet space

KEYWORDS: Eurasia, economy, cooperation, infrastructure, diplomacy, China, politics, transport, Russia, strategy.